

XVI.

Ч * * * В у.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ превоги прежнихъ лѣтъ,
 Гдѣ пракъ Овидіевъ пустынныій мой сосѣдъ,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя недоспаешь душѣ моей успалой.
 Врагу спѣснишельныхъ условій и оковъ,
 Непрудно было мнѣ ошвыкнуться отъ пировъ,
 Гдѣ праздный умъ блеспишъ, погода, какъ сердце дремлеши
 И правду пылкую приличій хладъ объемлеши.
 Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
 Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
 Враговъ моихъ предалъ проклятию забвенья,

И, сѣпи розорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
 Для сердца новую вкушаю пишину.
 Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналъ и тихій прудъ и жажду размышеній.
 Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
 Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
 Ишу вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Машежной младостью упраченные годы
 И въ просвѣщеніи спашь съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились музы миѣ
 И независимымъ досугамъ улыбнулись;
 Цѣвицы брошенной уста мои коснулись;
 Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
 Пою мои мечты, природу и любовь,
 И дружбу вѣрную, и милые предметы,
 Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
 Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
 Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
 И Царскосельскія хранищельныя сѣни.

Но дружбы нѣть со мной: печальный вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ни музы, ни пруды, ни радоспи досуга,
 Ничто не замѣнишъ единственнаго друга.
 Ты былъ цѣлищелемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О неизмѣнныиѣ другъ, тебѣ я посвятилъ
 И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можешъ бышъ, спасенныя тобою!
 Ты сердце зналь мое во цвѣтъ юныхъ дней;
 Ты видѣль, какъ попомъ въ волненіи спрасшей
 Я шайно изнывалъ, спрадалецъ упомленной;
 Въ минушу гибели надъ бездной попаенной
 Ты поддержаль меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣниль надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживляль ее совѣтомъ иль укоромъ;
 Твой жаръ воспламеняль къ высокому любовь;
 Терпѣніе смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
 Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣль я презирать, умъя ненавидѣть.

Мнель было сътвовать о штолкахъ шалуновъ,
 О лепешаныи дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
 И сплещней разбирапъ игривую запѣю,
 Когда гордишься могъ я дружбою твою?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
 Печали раннія мою шѣснили грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу споической душою.
 Одно желаніе: оспацься ты со мной!
 Небесь я не помилъ молишивою другой.
 О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
 И вѣтреной штолы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
 Съ тобою вспоминашь бесѣды прежнихъ лѣтъ,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мершвецовъ живые разговоры;

Поспоримъ , перечпемъ , посудимъ , побранимъ ,
И счастливъ буду я : но только ради Бога
Гони ты *** отъ нашего порога.